

СКАИ ДЖЕВС

18+

— — — — —
ТРИ ГОРОДА ДО ТЕБЯ

Останься со мной в Риме

КНИГА 3

18+

Скай Джевс

Останься со мной в Риме

«Автор»

2026

Джевс С.

Останься со мной в Риме / С. Джевс — «Автор», 2026

Книга 3 из 3. Завершение романтической трилогии «Три города до тебя». Счастливый финал. Осенью Рим даёт Элизе новую работу. И снова ставит перед ней Луку Вальенти. После венецианского лета они научились жить порознь. Только знакомый голос всё ещё сбивает дыхание, случайное прикосновение длится слишком долго, а обычная прогулка заканчивается желанием остаться. На этот раз у них будет меньше красивых обещаний и больше настоящей жизни: репетиции, собственные успехи, неудобные разговоры и вечера, которые не хочется заканчивать. Им предстоит вернуть чужой музыке её историю — и решить, есть ли у их любви будущее, в котором никто не должен исчезнуть ради другого. Читайте после «Поцелуя над Арно» (часть 1, бесплатно) и «Пока Венеция спит» (часть 2). Здесь заканчивается история Элизы и Луки. 18+.

© Джевс С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Нужна нежность	5
Глава 2. Моя партия	9
Глава 3. Стол у окна	13
Глава 4. Без семейного портрета	17
Глава 5. Линия плеча	21
Глава 6. Полчаса на мороженое	25
Глава 7. Не к празднику	29
Глава 8. Место в зале	33
Глава 9. После перерыва	37
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Скай Джевс

Останься со мной в Риме

Глава 1. Нужна нежность

Элиза

Ключ входил в замок только наполовину.

— Он со всеми такой, — сказала хозяйка. — Нужна нежность.

Я посмотрела на ключ. Для девяти утра советов о нежности было уже достаточно, особенно если учитывать чемодан, который я только что подняла на третий этаж. Снизу ещё доносился голос водителя: он обнаружил на заднем сиденье мой свёрток с лекалами и теперь пытался решить, кому оставить эту подозрительную конструкцию.

— Я сейчас вернусь, — сказала я.

Хозяйка поймала меня за рукав.

— Вы будете хлопать дверью?

— Ещё не решила.

Она посмотрела строго. Я поняла, что шутка не пережила дорогу, извинилась и сбежала по лестнице. Водитель стоял возле машины, держа свёрток двумя пальцами. На бумаге отпечаталась грязная полоса.

— Художественная работа, — объяснила я.

— Вижу.

Он отдал лекала с облегчением человека, у которого наконец забрали чужую судьбу. Я пожелала ему хорошего дня и второй раз отправилась наверх. На этот раз считала ступени. На двадцать восьмой сбилась и решила, что точная информация всё равно не улучшит положение.

Рим встретил меня тёплым воздухом, шумом скутеров и комнатой, в которой раскрытый чемодан лишил владельца права ходить. Окно выходило во двор. Напротив висели простыни, чуть ниже кто-то поливал цветы так щедро, будто намеревался вырастить ещё один этаж. Мне нравился свет. Я сразу заметила это и немного успокоилась. Пока я могла радоваться свету на жёлтой стене, положение не было безнадёжным.

Хозяйка показала, как поворачивать ключ. Затем рассказала про кухню, горячую воду и полку в холодильнике. Моё имя она произнесла два раза, проверяя ударение, и записала в блокнот. В конце спросила, надолго ли я приехала.

— До конца ноября.

Сказав это вслух, я почувствовала, как три месяца приобрели вес. Не поездка вслед за кем-то. Не короткий заказ, на который взяли случайно и могут завтра заменить. Три месяца моей работы в городе, где мне предстояло узнать хотя бы дорогу до дома.

Когда хозяйка ушла, я села на кровать, не снимая сумки. Телефон завибрировал. София прислала сообщение: «Покажи жильё. Я должна знать, насколько драматично тебе завидовать».

Я сфотографировала комнату широким углом. На снимке она выглядела почти просторной. Пришлось отправить вторую фотографию — моё колено возле шкафа, упирившееся в открытую дверцу.

«Завидовать пока негде», — написала я.

София ответила голосовым. На фоне шуршала бумага: она собирала чей-то букет. Сказала, что теснота дисциплинирует, что ей вчера привезли не те розы, что Нико снова потерял зарядку и позвонил с чужого телефона. Потом спросила, поела ли я. Мне нравилось, что в её

жизни одновременно помещались мои три месяца, цветы, мужчина и обычный обед. За август я успела отвыкнуть от разговоров, в которых все дороги рано или поздно сворачивали к Луке.

Вместо ответа я отправила фотографию печенья из поезда. София велела перестать выдавать это за пищу.

На экране оставалась переписка с Лукой. Я не открывала её специально; просто его имя было ниже, рядом с коротким июльским и несколькими августовскими сообщениями. Файл для бабушки. Уточнение по снимку. Дата, которую нужно подтвердить организаторам. Последнее: «С третьего буду в Риме. По материалам свяжемся, когда устроишься».

Я приехала третьего. Устроилась пока очень условно.

Лука тоже был в городе. Я знала это раньше, чем покупала билет. Знала, когда подтверждала лабораторию, когда забирала в Болонье зимнюю куртку, которую мать настойчиво предлагала сунуть в чемодан в начале сентября. И всё же в тесной комнате с чужим одеялом известие оказалось новым по весу: не где-то, не позже, не в условной осени. Здесь.

Я перевернула телефон и стала переодеваться.

* * *

До лаборатории я дошла не с той стороны. В конце узкой улицы обнаружилась закрытая дверь, табличка с другим названием и мужчина, который объяснил маршрут так уверенно, что я прошла ещё квартал неправильно. Когда наконец увидела нужный вход, на часах оставалось две минуты.

В комнате с длинным столом уже сидели семь человек. У всех были блокноты, стаканы воды и лица, на которых можно было прочесть либо творческую сосредоточенность, либо желание поскорее узнать, будет ли кондиционер. Я обняла свой портфель и выбрала свободное место возле окна.

Валерия Сальви вошла без папки. Поставила на стол небольшую металлическую коробку, сняла очки и оглядела нас.

— Доброе утро. Это не конкурс, в котором нужно понравиться мне раньше остальных. Это работа. Очень прошу не тратить первую неделю на попытку угадать мой любимый цвет.

Кто-то улыбнулся. Я уже успела заметить, что на Валерии серый, и теперь почувствовала себя пойманной за руку.

Мы представлялись по очереди. Слева от меня сидела Кьяра, работавшая со светом. Справа — высокий мужчина, который делал сценические конструкции и всё время крутил в руках карандаш. Когда очередь дошла до меня, я сказала имя, профессию и приготовленную с утра фразу о том, что хочу исследовать взаимодействие ткани с движением. Фраза прозвучала так аккуратно, что я сама перестала ей верить.

Валерия посмотрела на портфель.

— А что именно вы хотите делать руками?

— Костюмы, которые меняются вместе с человеком, а не требуют от него стоять правильно, — ответила я после паузы.

Она кивнула.

— Вот это уже можно попробовать.

Мне стало жарко. Я записала собственную фразу, чтобы не потерять её к следующему представлению.

Тема итоговой работы была короткой: переход. Между комнатами, возрастами, ролями, состояниями — Валерия не собиралась сужать её до одной метафоры. Она показала несколько набросков будущих сцен, объяснила, как будут работать малые группы, и назвала сроки первого внутреннего просмотра. Я слушала, чувствуя одновременно удовольствие и испуг. Воз-

возможность предлагать своё всегда казалась заманчивее, пока кто-нибудь не говорил: хорошо, покажи в пятницу.

Из металлической коробки Валерия достала обычную белую перчатку.

— Сегодня без прекрасных презентаций. У вас два часа. Придумайте, как этот предмет изменит сцену, не превращаясь в фокус. Можно ничего не шить. Можно шить. Но человек, который в конце будет это носить, должен остаться человеком.

Мы разошлись по комнатам. Я долго вертела перчатку, заметила короткий неровный шов и наконец села рисовать. Моя первая идея была слишком эффектной. Я поняла это почти сразу, но всё равно сделала ещё три варианта: иногда рука не хочет отпустить красивую ошибку прежде, чем глаз окончательно в ней убедится.

Кьяра заглянула через плечо.

— Блестит?

— Ещё на бумаге. Но уже опасно.

— Тогда мне нравится. Только предупреждай, прежде чем ослепишь зал.

Мы засмеялись. У неё оказались короткие волосы, крепкие руки и привычка ставить стакан точно на край стола. Я сразу отодвинула свой портфель подальше. Она заметила и показала большой палец: профессиональная совместимость начиналась с гораздо более простых вещей, чем общая эстетика.

После упражнения Валерия ничего не объявила выдающимся. Она задавала вопросы, просила повторить движение, убирала лишний свет, возвращала предмет в руки исполнителя. Мой вариант ей показался интересным ровно до тех пор, пока человек не попытался опустить руку. Тогда декоративная часть затянула ткань у локтя.

— Красивое изображение, — сказала Валерия. — Но у нас пока ещё живые люди. Подумайте.

Я покраснела, кивнула и забрала работу. Это было неприятно. Это было именно тем, за чем я приехала.

* * *

В обед мы с Кьярой вышли за едой. Она знала короткий путь, который оказался длиннее моего утреннего, зато по дороге можно было купить что-нибудь без очереди из десяти человек. Мы ели, прислонившись к прохладной стене во дворе. Сандро, мастер-портной лаборатории, вышел покурить и сообщил, что если мы собираемся надолго дружить с тканью, надо сначала научиться её гладить.

— Это обращено ко всем? — спросила я.

Он посмотрел на мой мятый рукав.

— Пока к вам лично.

Кьяра захохотала так громко, что во дворе открыли окно. Я расправила рукав, прекрасно понимая бесполезность этого жеста.

Вечером мать позвонила узнать, доехала ли я. Я уже успела отправить три сообщения, но ей требовался голос. Рассказала про ключ, про комнату и про перчатку. Она спросила, есть ли рядом магазин, и не стала спрашивать про Луку. За это я была ей благодарна, хотя часть меня очень хотела, чтобы спросила.

Август не прошёл у меня в ожидании. Я закончила небольшой заказ во Флоренции, на несколько дней поехала к родителям, помогла Софии с оформлением, которое не имело никакого отношения к сцене, и испортила один выходной, потому что смотрела в телефон чаще, чем на подругу. В остальные дни получалось лучше. Я скучала по Луке. Иногда злилась на него, иногда на себя. От этого всё равно требовалось покупать еду, платить за комнату и отправлять

рабочие письма. Теперь я могла рассказать матери хотя бы об одном из этих дел, не сведя разговор к тому, кто кому не написал.

Уже дома я разложила вещи. Повесила на спинку стула рубашку, положила на стол ножницы, поставила у окна маленькую фотографию Розы и Пьетро, которую бабушка сама мне дала. В комнате сразу стало теснее и понятнее.

Лука написал в половине девятого.

«Как первый день?»

Я села на кровать. Подумала про перчатку, которую хотелось спрятать, и про свет на жёлтой стене, который хотелось ему показать.

«Пока никого не пришила к костюму. Считаю хорошим началом».

Он ответил почти сразу:

«Очень высокие стандарты. Я сегодня ошибся в собственной партии».

Я улыбнулась. Потом перестала, потому что улыбка оказалась слишком знакомой.

«Встретимся по бабушкиным материалам в субботу? Я могу после двух».

Мы уточнили место — маленькое кафе недалеко от лаборатории, где было удобно разложить бумаги. Он не предложил забрать меня из дома. Я не стала объяснять, почему пока рада этому. Договорившись, положила телефон на стол и наконец открыла ключом окно.

Рама поддалась легко. Во дворе кто-то ругался с простынёй, зацепившейся за верёвку. Я постояла, вдыхая тёплый воздух, потом достала перчатку и начала распарывать свой слишком красивый шов.

Глава 2. Моя партия

Лука

Первую ошибку в Риме я сделал на собственной музыке. Нико поднял смычок, подождал, потом посмотрел на меня с выражением человека, который готов был простить всё, кроме плохой подготовки.

— Ты это меняешь или забыл?

— Ещё выбираю удобную версию ответа.

— Выбирай быстрее. У меня до обеда только один позвоночник.

Я снял руки с клавиш. В зале было душно, окно не открывалось, где-то за стеной без остановки двигали стулья. Новой пьесе не мешало ничего из перечисленного. Я просто услышал в голове другой переход и попытался сыграть его раньше, чем пальцы поняли, куда им идти. Хорошая причина для репетиции. Плохая — для раздражения на виолончель, которая честно шла по написанному.

— Прости. Ещё раз от тридцать второго?

Нико кивнул. Мы вернулись. На этот раз я удержал первоначальную версию и сразу почувствовал, почему вчера она казалась тесной. До конца всё равно доиграл. Потом взял карандаш, перечеркнул несколько тактов, Нико подождал, не демонстрируя мученичества. Он умел делать это ровно столько, сколько требовалось другу, и ни секундой больше.

— Я не против новой музыки, — сказал он. — Я против новой музыки, которая возникает у тебя в руках, а у меня узнаёт о себе после.

— Обоснованная позиция.

— Я её всю жизнь зарабатывал.

Мы сделали перерыв. Нико пошёл искать воду, я остался у инструмента. На крышке лежала программа римского цикла: несколько небольших выступлений, часть знакомых вещей, место для собственной работы. Я добивался этого места дольше, чем хотел признавать, а теперь всё время поглядывал на него так, будто организаторы могли забрать строку, если поймут, насколько мне страшно.

Дарио позвонил в середине перерыва. Хотел уточнить интервью, даты и список фотографий. Я вышел в коридор, где пахло пылью и кофе, встал у стены подальше от чужих разговоров.

— Для первого вечера можно сыграть семейную программу, — сказал он. — Своё добавишь потом, когда публика освоится.

— Первую программу мы уже согласовали.

— Мы можем ещё раз посмотреть. Это нормально.

Я посмотрел на свои туфли. Раньше мне хватило бы его спокойного голоса, чтобы начать искать компромисс, который уже состоял в моём отказе. Сейчас я тоже захотел его найти. Неприятные разговоры не стали мне нравиться после Венеции. Просто последствия удобных я теперь представлял лучше.

— Посмотреть можем. Убрать мою пьесу с первого вечера — нет. Если не хватит времени, сокращу другую часть. Обсудим какую.

Дарио помолчал.

— Ты уверен в самой пьесе?

— Нет.

— Великолепно.

— Но сыграю её.

Он выдохнул. В коридоре прошла девушка с рулоном кабеля, попросила отойти, и я вжался в стену, удерживая телефон плечом. Моё важное решение немедленно приобрело правильный масштаб.

По фотографиям оказалось сложнее. Среди предложенных была летняя, где мы с Элизой стояли рядом после показа. Я помнил, как она тогда смеялась, и сразу захотел оставить этот кадр хотя бы для себя. Для интервью он не подходил.

— Возьми портрет со съёмки, — сказал я. — Элизу в анонс не добавляй.

— Я и не собирался делать из этого личное.

— Тогда нет причины ставить её фотографию.

Я услышал, как щёлкнула мышь. Дарио что-то записал. Потом спросил про камерный вечер Розы, и мы договорились вернуться к нему, когда будут конкретные согласованные материалы. Я не предложил заранее рассказать красивую версию о том, как музыка соединила две семьи. В этой фразе было слишком мало музыки и слишком много удобства.

Когда вернулся в зал, Нико сидел на краю сцены и ел яблоко.

— Ты как будто только что поднял рояль, — заметил он.

— Почти. Сказал менеджеру «нет» два раза.

— Осторожнее. К вечеру может начаться головокружение от независимости.

Я забрал у него яблоко, откусил и вернул. Нико не возмутился. Только сказал, что теперь я должен ему половину фрукта, и подал свою партию.

* * *

Комната, которую я снимал в Риме, находилась достаточно близко к рабочим местам, чтобы не жаловаться на расстояние, и достаточно далеко, чтобы возвращаться вечером с тяжёлыми ногами. Чемодан стоял под столом. Нотные листы занимали стол. Для ужина оставался подоконник, но у него хотя бы был нормальный вид — кусок улицы и балкон, где старик сушил красную майку на трёх прищепках.

Я съел бутерброд, ответил на два письма и позвонил отцу. Карло взял трубку не сразу. По голосу было слышно, что он находится среди людей и не хочет менять привычный тон.

— Как Рим?

— Жарко. Как твой день?

Он рассказал. Несколько минут мы говорили о его обычной работе. Мне хотелось сохранить этот разговор: не каждое семейное слово должно было становиться ещё одним слушанием по делу деда. Потом Карло сам спросил, определились ли мы с осенним вечером.

— Завтра встречаемся с Элизой. Сначала нужно собрать, что Роза готова показать.

— Я мог бы поговорить с организаторами.

— Пока не надо. Если понадобится контакт, попрошу.

— Ты считаешь, что я всё испорчу?

Я потёр переносицу. На улице громко сигналили. Хотелось сказать «нет» так быстро, чтобы он успокоился. Или «да» так резко, чтобы разговор наконец закончился. Ни то ни другое не было точным.

— Я хочу, чтобы сначала прозвучало её решение, — ответил я. — Потом будем обсуждать, чем ты можешь помочь.

Отец помолчал. Мне показалось, что сейчас он скажет что-нибудь о неблагодарности, но он спросил, во сколько у меня ближайшее выступление. Я назвал день и место. Карло записал, уточнил, будет ли собственная пьеса, и сказал, что постарается приехать позже в цикл. Мы попрощались чуть осторожнее обычного, но всё-таки попрощались.

Я положил телефон. Тишина в комнате не принесла немедленного облегчения. В ней оставалось слишком много несказанного, но по крайней мере я не добавил новую фразу, от которой потом пришлось бы отказываться.

На компьютере лежала отдельная папка Розы. Несколько разрешённых копий, записи наших договорённостей, уточнённое название темы. История уже была установлена. Никакой следующий вечер не мог сделать так, будто Джулио сам добился исправления или Карло раньше не имел возможности вернуться к вопросу. Но и обработки, переходов, финальной части не становилось меньше от того, что первую мелодию написал другой человек. Мне всё ещё требовалось привыкать говорить об этом без внутреннего желания защитить кого-нибудь от точности.

Я проверил список и написал Розе, что завтра после встречи пришлю вопросы, если она не против. Ответ пришёл быстро: «Лучше до вечернего фильма. Потом я занята».

Я улыбнулся. Восемьдесят процентов важных семейных разговоров, вероятно, можно было бы улучшить ясным указанием времени фильма.

Элизе я пока не написал. Мы уже договорились накануне. Мне хотелось спросить, как она спала в новой комнате, нашла ли еду, не затинула ли её рука слишком красивый шов — последнее она рассказала вчера с обычной насмешкой над собой. Я открыл переписку, увидел её имя и вспомнил всё, что уже не имел права предполагать.

Я знал, где она будет завтра. Не знал, позволит ли после встречи пройти с ней до следующей улицы. Это было неудобно. Это не означало, что нужно изобрести ещё один вопрос по архиву, чтобы получить право позвонить.

* * *

Вечером Нико позвал меня пройтись. Его телефон, по удивительному совпадению, был заряжен, но только потому, что зарядку купила София и пригрозила подписать ею ему лоб. Он рассказал об этом с таким удовольствием, что я усмехнулся.

— Вы теперь встречаетесь?

— Мы пока живём в разных городах и спорим, какие цветы имеют право выглядеть уставшими. Не торопи событие.

— Я спросил одним словом.

— А я ответил подробно. Бесплатно.

Мы купили еду и сели в стороне от шумной улицы. Нико рассказывал о своём следующем выступлении, о плохой комнате для репетиции и человеке, который называл виолончель «большой скрипкой». В какой-то момент он посмотрел на меня и спросил, виделись ли мы с Элизой.

— Завтра.

— По делу?

— Да.

Он кивнул, откусил хлеб и не предложил организовать случайную встречу. Мне это понравилось. Чуть позже я сам добавил:

— Я скучал по ней всё лето.

Нико перестал жевать только на секунду.

— Ты собираешься сказать ей или пока мне?

— Пока тебе.

— Тогда возьму ещё воду. У меня здесь ответственная роль.

Я рассмеялся. Он поднялся, ушёл к стойке, оставив меня за столом с двумя пустыми бумажными тарелками. На запястье у меня оставался след от часов. Я снял их и положил рядом. За лето мне несколько раз казалось, что, если научиться правильно измерять время, его

хватит на всё: на работу, на отца, на Элизу, на разговоры, которые всё время откладываешь. Потребовалось расстаться с ней, чтобы заметить: иногда дело не в количестве часов.

Нико вернулся с водой и попросил помочь выбрать рубашку к следующему концерту. У него было две фотографии, обе ужасные. На первой он выглядел сердитым, на второй фотограф успел зафиксировать середину чиха. Я сказал, что по таким данным могу оценить только здоровье. Мы спорили о рубашке ещё минут десять, пока Нико не написал Софии. Она ответила одним номером. Вопрос решился.

Дома я сел к маленькой клавиатуре в наушниках. Новая пьеса всё ещё сопротивлялась. Я попробовал утренний переход медленнее, оставил место между фразами, убрал то, что казалось красивым лишь потому, что напоминало знакомую музыку. Потом записал несколько тактов. Послушал. Впервые за день захотелось продолжить не из долга.

Перед сном поставил будильник. Встреча с Элизой была после двух. До неё нужно было прожить собственное утро, и мне хотелось прийти к ней именно из него.

Глава 3. Стол у окна

Элиза

Я пришла раньше и сразу пожалела. Теперь оставалось достаточно времени, чтобы увидеть своё отражение в стекле, поправить волосы, понять, что стало хуже, и сделать вид, будто я только проверяла витрину.

В кафе было тесно. Стол у окна занимали две женщины, перед которыми стояло больше тарелок, чем могло понадобиться для счастливого разговора. Я выбрала место у стены и положила папку на соседний стул. Официант спросил, буду ли ждать кого-нибудь. Я ответила «да» слишком быстро, словно он собирался немедленно предложить мне другого человека.

Лука вошёл через несколько минут. На нём была светлая рубашка с короткими рукавами, на плече — знакомая сумка. Он немного подстригся. Или я просто слишком часто вспоминала его с волосами, которые падали на лоб в венецианской комнате. Увидев меня, улыбнулся, и тело ответило раньше, чем я успела подготовить лицо.

Я поднялась. Мы оба сделали одно и то же неловкое движение: чуть навстречу, чуть назад. В итоге он коснулся моей щеки губами, как касаются при встрече знакомых. Знакомой я ему, несомненно, была. От этого хуже всего и становилось.

— Привет, — сказал он.

— Привет.

Лука сел, убрал сумку под стол и посмотрел на папку. Я подумала, что, если сейчас достану все листы сразу, можно будет разговаривать только о них до самого вечера. Это показалось одновременно спасением и отвратительной перспективой.

— Как комната? — спросил он.

— Если долго стоять посередине, начинаешь считаться мебелью.

Он засмеялся. Я посмотрела на его рот и отвела взгляд к меню.

— У меня тоже небольшая. Зато там есть стул.

— У меня тоже. Просто он сдаётся отдельно от возможности открыть шкаф.

Мы заказали кофе, потом еду, потому что встреча была рабочая, но это не делало нас менее голодными. Лука дождался, пока я выберу, и только потом назвал своё. Маленькая пауза, которой прежде я бы не заметила, теперь почему-то притянула внимание. Он не угадывал, чего я хочу. Мне оставили трудную обязанность сказать самой.

Я достала папку.

На первой странице лежал список, который мы составили для Розы ещё в конце лета: что требуется для камерного вечера, что она уже согласовала, какие изображения можно использовать. Я открыла его и немедленно задела стакан. Лука придержал стакан, я — лист. Наши руки оказались рядом. На его большом пальце была маленькая царапина, совершенно новая, не связанная со мной ни одним воспоминанием. Мне захотелось спросить, откуда она.

Вместо этого я сказала:

— Вот эти три фотографии бабушка разрешила. Из писем — только короткий отрывок, который сама выбрала. Без сканов целиком.

— Хорошо.

— И она хочет сначала увидеть подписи. Обычным письмом, чтобы не нужно было ничего открывать в приложении.

Лука кивнул и записал. Не предложил прислать всё Карло, который «быстрее разберётся». Я заметила и это, разозлилась на себя за то, как внимательно считаю его нормальные действия, и перевернула страницу.

— Для костюма можно сделать небольшой отдельный показ. Не реконструкцию всей постановки. Один предмет по её эскизу, если она захочет. Но мне нужно понять, что реально можно выполнить здесь, помимо лаборатории.

— Ты сейчас загружена?

— Пока ещё только пытаюсь впечатлить Валерию плохими решениями.

Он поднял глаза.

— Насколько плохими?

Я рассказала про перчатку. Лука слушал с таким видимым удовольствием, что мне пришлось толкнуть носком ножку его стула.

— Не радуйся.

— Я рад, что тебя можно оценить по работе, а не по тому, насколько убедительно ты рассказываешь, что всё ужасно.

— Это тоже талант.

— Несомненно. Ты едва села, а я уже представляю страдания рукава.

Я рассмеялась. Слишком громко, слишком облегчённо. Женщины у окна посмотрели на нас и вернулись к своим тарелкам. Мне захотелось оказаться одной из них: человеком, который просто обедает, а не проверяет, выдержит ли прежнее чувство новую мебель.

Когда принесли еду, мы отодвинули бумаги. Лука спросил, как я провела август. Я сказала коротко, не пряча жизнь за словом «нормально»: закончила заказ, побывала у родителей, спорила с Софией, отдыхала меньше, чем собиралась. Он рассказал о поездках и работе над пьесой. Я знала некоторые даты по переписке, но голос делал их другими. У этих недель появились шумные залы, испорченный завтрак, чужой забытый пиджак, смешной разговор с Нико. У меня не было права ревновать его к собственной жизни. Мне всё равно было больно, что я не стояла в этих историях рядом.

— Ты похудел, — сказала я и сразу пожалела: голос стал слишком личным.

Лука посмотрел на тарелку.

— Тогда хорошо, что мы заказали еду.

Он мог пошутить громче, сделать вид, что не заметил. Вместо этого улыбнулся так мягко, что мне пришлось заняться вилок.

* * *

Роза взяла видеозвонок с третьей попытки. Сначала у неё пропал звук, потом она смотрела не в ту сторону и обвиняла телефон в том, что он изменил расположение кнопок. Лука терпеливо ждал. Я перевернула аппарат, чтобы она видела нас обоих, и чуть придвинула стул. Колено коснулось его колена. Отодвигать сразу показалось нелепым. Остаться — опасно приятным.

— Теперь вижу, — сказала Роза. — Вы едите?

— Уже поели.

— Плохо. Я хотела посмотреть, что у вас там дают.

Я повернула камеру к пустым тарелкам. Бабушка выразила разочарование, затем попросила показать список. Я начала объяснять, что по видеосвязи его всё равно будет неудобно читать, и получила ответ:

— Тогда не читай мне все слова. Я ещё помню, на что согласилась.

Лука кашлянул, пряча улыбку. Я погрозила ему пальцем под столом.

Роза хотела ограничиться короткой историей работы 1974 года, фотографиями и музыкальной темой с ясным обозначением вклада каждого. Не собиралась выкладывать личные письма, даже если их прочтение сделало бы вечер «более эмоциональным». Она произнесла это последнее выражение так, что мы с Лукой одновременно покосились друг на друга.

— А костюм? — спросила я.

— Костюм можно показать. Но у меня в молодости было несколько ужасных решений. Не надо их бережно восстанавливать только потому, что им много лет.

— Мы можем выбрать, что именно.

— Выберем. И мне не нужен манекен с лицом. Они пугают меня больше критики.

Лука записал про манекен. Я смотрела, как он выводит слова на полях, и вдруг почувствовала нежность такой силы, что пришлось спрятать руки под стол. Я всё ещё знала его почерк. Узнавала, где он нажмёт сильнее, где сократит слово. Мне не требовалось забыть это, чтобы признать, что летом у нас не получилось.

Роза спросила, что он готовит из своей музыки. Лука рассказал без длинных объяснений. Бабушка слушала внимательно, потом сказала, что хотела бы услышать, когда он сможет показать. Не как продолжение чужого вечера. Отдельно.

Он поднял глаза. На секунду выглядел совсем молодым, и я опять отвела взгляд. У любого человека имелись места, в которых одно точное внимание значило больше десятка торжественных похвал.

Перед тем как закончить, Роза спросила, как моя комната. Я повторила шутку про шкаф. Она немедленно предложила не хранить всё в чемодане, если я собираюсь там жить, а не ждать разрешения уехать.

— Выложу сегодня, — пообещала я.

— Вот и хорошо. Лаура просила передать, что шарф лежит у неё. Не покупай новый назло погоде.

Мы попрощались. Экран потемнел, и я впервые за несколько минут снова увидела Луку не рядом с бабушкой, не внутри общего дела, а просто рядом с собой. Его колени всё ещё касались моего. Я подвинулась, будто искала сумку. Он тоже немного отодвинулся, оставив мне место.

* * *

После звонка мы свели список до того, что действительно могли сделать. Один костюмный образ, разрешённые изображения, короткий текст Розы, музыка. Специалисты отдельно уточняют формулировки и вопросы использования материалов; нам не следовало придумывать ответ по памяти. Лука предложил прислать черновую структуру вечера, я — показать бабушке два варианта предмета, который можно выполнить без превращения моей лаборатории во вторую смену.

Деловая часть закончилась. Официант уже третий раз проходил мимо с выражением надежды, что наш маленький архив наконец освободит стол. Я сложила листы, Лука убрал блокнот. На пустой поверхности между нами остались два кофейных кольца.

— Пройдёмся? — спросил он.

Я посмотрела на часы. Мне хотелось согласиться настолько, что ответ «нет» показался единственным способом не выглядеть смешной. Я устала выбирать этот способ.

— Немного. Мне ещё нужно забрать ткань.

Мы вышли на улицу. После прохладного кафе воздух показался густым. Лука остановился, чтобы я убрала папку в сумку. Раньше он помог бы поправить ремешок. Теперь поднял руку и опустил, не закончив движение. Я увидела это и вдруг поняла, что неловкость существует не только у меня внутри.

Несколько минут мы шли рядом, не задевая друг друга. Машины протискивались так близко, что пришлось уступить дорогу под стеной. Лука встал с внешней стороны, я почувствовала тепло его руки возле своей и вспомнила, как легко когда-то принимала близость за гарантию.

— Я рада, что ты приехал, — сказала я.

Он повернул голову. Я быстро добавила:

— В Рим. Не только в кафе.

— Я тоже рад, что ты здесь.

Мы помолчали. Ни один из нас не превратил это в приглашение к чему-то большему. Возле поворота Лука спросил, не забыла ли я перекрыть воду в своей «мебельной комнате». Я напомнила, что мы ещё не дошли до стадии водопроводной катастрофы. Он улыбнулся, и мне стало легче дышать.

У магазина я остановилась.

— Мне сюда.

— Хорошо.

Он мог зайти со мной. Я могла предложить. В этот день мы не сделали ни того ни другого. Попрощались коротким объятием, уже не тем осторожным касанием щекой в начале встречи. Я почувствовала его ладонь между лопаток и закрыла глаза на секунду дольше, чем следовало.

Когда вошла в магазин, продавщица спросила, какую ткань мне показать. Я назвала цвет, потом поняла, что назвала цвет его рубашки. Пришлось начать заново.

Глава 4. Без семейного портрета

Лука

На второй репетиции я сыграл новую часть так старательно, что она перестала быть музыкой. Нико дослушал, медленно опустил смычок и спросил, не пытаюсь ли я убедить инструмент в своей порядочности.

— В чём?

— Не знаю. Но он пока сопротивляется.

Я посмотрел на руки. После встречи с Элизой я два дня работал больше обычного, прекрасно высыпался только в чужих сообщениях и успел исправить переход столько раз, что уже не помнил, что именно мне в нём нравилось. Знакомые вещи звучали свободнее. В них было меньше риска показать не то, что я хорошо умею, а то, что действительно хочу.

— Давай с начала, — сказал я.

— Нет.

Нико отложил виолончель, проверил, устойчиво ли она стоит, и пошёл к двери.

— Через пятнадцать минут. Выйди отсюда. Купи воду. Посмотри на предмет, который не издаёт звука.

— Их в Риме мало.

— Тем интереснее задача.

Я вышел во двор. Вода из автомата оказалась слишком холодной, пришлось греть бутылку в руках. На стуле сидел мужчина с папкой, ждал кого-то и смотрел, как голубь пытается унести упаковку. Я сел на другой стул и несколько минут занимался тем же. Голубь действовал гораздо свободнее меня: не боялся, что в его попытке узнают чужую фамилию.

Когда вернулся, Нико уже стоял у инструмента. Спросил, что я хотел услышать в начале. Я попробовал объяснить словами и тут же понял, насколько они мешают. Сыграл фразу проще, почти не усиливая. Он подхватил, оставил паузу там, где прежде я её заполнял. Впервые мы добрались до середины без желания что-нибудь немедленно исправить.

После этого оказалось, что новая часть действительно короче, чем мы записали на бумаге. Пришлось заняться конкретным делом: перепроверить время программы. Организатор первого вечера выслушала предложение, спросила, чем мы заменим лишние минуты, и не стала изображать восторг перед моей смелостью.

— У нас есть небольшая совместная вещь, — сказал я, посмотрев на Нико.

Он кивнул.

Мы сыграли. Организатор записала новое время, предупредила про ограничения по залу и ушла. Собственная музыка осталась в программе по очень обычной причине: мы показали, сколько она длится и как помещается в вечер. Этот способ казался менее героическим, чем спорить за искусство до закрытия здания. Зато после него хотелось работать дальше.

* * *

Карло прислал мне текст для архивного описания записи деда. Сопроводил коротким: «Посмотри. Может подойти».

Я открыл файл прямо у окна репетиционной. В тексте уже появилось имя Розы. Оно стояло не в примечании, не внутри красивой истории о случайно найденной благодарной жен-

щине. Первая тема была названа её работой. Джулио оставили обработку, переход и финальную часть. Я прочитал дважды, не доверяя первому облегчению.

Потом заметил выражение «творческое содружество, позднее разделённое жизненными обстоятельствами».

Позвонил отцу.

— Что ты имеешь в виду под жизненными обстоятельствами? — спросил я.

Карло вздохнул.

— Лука, мы не пишем обвинительное заключение.

— Но и обстоятельства не убрали её имя с записи.

Он помолчал. Я слышал, как рядом с ним перелистывают бумагу. Хотелось перенести разговор до вечера, когда никто не будет слушать, когда он не почувствует себя задетым при других. Именно так можно было перенести его ещё на несколько лет.

— Формулировку по первой теме оставь, — сказал я. — А этот абзац лучше убрать. Роза сама скажет, что хочет добавить к истории. Мы пока обещали ей показать подписи, не объяснить за неё жизнь.

— Ты уже разговаривал с ней обо мне?

— Нет.

— Элиза хочет, чтобы я вообще не участвовал?

У меня напряглась шея.

— Это мой вопрос, пап. Сейчас со мной разговариваешь.

Тишина продлилась достаточно долго, чтобы я успел усомниться в тоне. Слова всё равно оставались нужными. Карло наконец спросил, что я предлагаю вместо абзаца. Я сказал, что можно ограничиться подтверждённой рабочей историей: проект, год, конкретные вклады. Без предположений о примирении.

Он попросил прислать правки письменно. Я согласился. На этом разговор закончился не очень тепло, но гораздо точнее, чем начался.

Я отправил свои замечания, вернулся к инструменту и минут десять не мог попасть в нормальный темп. Отец не стал внезапно другим человеком. Я тоже не получил особенного спокойствия от того, что не отступил. Внутри всё ещё сидел мальчик, которому хотелось услышать: хорошо сыграл, хороший сын, всё сделал удобно. Мы с ним молча занимались дальше.

На последнем прогоне Нико ошибся в своей партии. Остановился, посмотрел на лист и очень выразительно нахмурился.

— Ты это меняешь или забыл? — спросил я.

Он поднял на меня глаза, потом рассмеялся. Мы начали заново. После этого играть стало легче.

* * *

Обедали у маленькой стойки, где можно было стоять, но почти невозможно разговаривать, не уступая кому-нибудь дорогу. Нико рассказывал про Софию. Она собиралась приехать в Рим на короткое время, если удастся согласовать цветочный заказ. Не только к нему, что он каждый раз подчёркивал с видом удивительно довольного человека.

— Я понимаю, — сказал я на третьем повторе. — У неё своя работа.

— Просто приятно это произносить.

— Что именно?

— Что она приедет. Остальное — приложение для людей, которые решат меня немедленно женить.

Я откусил от своего бутерброда и промолчал. Нико ткнул меня локтем.

— Не делай это лицо. Я не прошу свидетеля. Мне нужно выбрать один вечер без репетиции.

Мы посмотрели расписание. Оказалось, у него свободен как раз тот день, на который я предполагал дополнительный прогон. Я уже открыл рот сказать, что перенесём его ненадолго, потом сам засмеялся.

— Что?

— Ничего. Прогон перенесём. Не вечер.

— Отлично. Я передам Софии, что завоевал профессиональную независимость.

Он написал ей сообщение. Пока ждал ответ, долго выбирал выражение на лице, будто она могла видеть его через три короткие точки на экране. Я смотрел с удовольствием, которое не имело ничего общего с завистью. Когда-то мне казалось, что чужая простая радость только напоминает о собственной неудаче. Сегодня она хотя бы доказывала, что разговор может закончиться не очередным объяснением.

— Ты встретился с Элизой, — сказал Нико, не поднимая головы. — И?

— Она распарывает перчатку.

Он посмотрел на меня.

— Очень исчерпывающе.

— Мы пообедали. Поговорили с Розой. Прошлись до магазина. Она сказала, что рада, что я здесь.

— А ты что?

— Что тоже рад.

— У вас чудовищно сдержанный спектакль. Билетами такое не продать.

Я усмехнулся, чувствуя одновременно удовольствие и боль от точности. Мне хотелось рассказывать о ней всё: как она наклонялась к телефону, как прятала руки под стол, как в начале встречи не знала, можно ли меня обнять. Но это были её движения тоже, не материал для моего облегчения в разговоре с другом. Я сказал только, что хочу увидеть её ещё.

Нико допил воду.

— Тогда когда-нибудь придётся предложить что-нибудь, кроме списка архивных файлов. Я знал. Это не делало предложение проще.

* * *

Вечером я попробовал сыграть новую пьесу без записи. Один раз, от начала до конца. Потом закрыл клавиатуру и вышел за продуктами, пока не успел превратить весь день в повторение. Купил помидоры, хлеб, сыр. На обратном пути заметил на витрине смешные красные перчатки: яркие, слишком длинные, совершенно непрактичные в сентябрьском Риме.

Сфотографировал. Открыл переписку с Элизой. В прошлой жизни я отправил бы сразу, не придавая значения одному глупому изображению. Сейчас слишком долго рассматривал собственный выбор: не прикрываюсь ли шуткой, не хочу ли вытянуть разговор, которого она не обещала?

В конце концов отправил с подписью: «Кажется, здесь тоже работают над твоим проектом».

Она ответила через полчаса. Фотография белой перчатки с распоротым швом. Под ней: «Мой пока переживает технические трудности. Эти высокомерно готовы к премьере».

Я засмеялся вслух, стоя у холодильника. Потом написал, что могу подтвердить: никакие перчатки в витрине не были проверены на живых людях. Ответ пришёл короткий: «Не защищай конкурентов».

Мы больше ничего не написали в тот вечер. Мне хватило. Я убрал продукты, положил телефон на стол и надел наушники, чтобы ещё раз послушать утреннюю запись. В ней по-прежнему оставались ошибки. На этот раз я услышал и то, ради чего хотел их исправлять.

Глава 5. Линия плеча

Элиза

Валерия попросила ещё раз поднять руки. Я посмотрела на серебряную кокетку на плечах Ренаты и поняла, что сейчас повторится не движение, а моя ошибка.

Рената развела локти. Серебряная кокетка приподнялась красиво, поймала свет, на секунду сделалась почти белой. Потом жёсткий край упёрся в шею, и исполнительнице пришлось подать подбородок вперёд, чтобы дотянуть руки вверх. Я слишком хорошо знала это движение: человек пытается спасти чужой замысел своим телом.

— Ещё? — спросила она.

— Пока нет, — сказала Валерия.

Я сжала в руках карандаш. В зале было тихо, только Кьяра переставляла маленький источник света. Мне хотелось объяснить, что в другой обуви получится лучше, что материал временный, что настоящий костюм будет легче. Все объяснения были готовы заранее, как будто я работала не над эскизом, а над защитой в суде.

— Что вы видите? — спросила Валерия.

Я уже открыла рот произнести приготовленное. Потом посмотрела на Ренату. Она стояла, придерживая ткань, и не жаловалась. От этого оправдываться стало особенно неприятно.

— Человеку приходится менять движение, чтобы сработал костюм, — сказала я.

— Иногда это допустимо. Здесь вы этого хотите?

— Нет.

Валерия кивнула.

— Тогда у вас есть вопрос. С ним и работайте. Красивую секунду мы увидели. Теперь найдите ей жизнь до и после.

Она перешла к другому участнику. Никто не объявил меня бездарной. Всё равно хотелось спрятаться под собственную серебряную кокетку и бесшумно уйти из профессии.

Рената подошла, отдала ткань.

— Мне нравится, когда она раскрывается, — сказала она. — Только можно, чтобы потом переставала меня обнимать?

Я рассмеялась с некоторым опозданием.

— Попробую объяснить ей, что вы не в отношениях.

— Отлично. Я только что из одних вышла, ещё одни выдержать не готова.

Мы вместе сняли временные крепления. Она показала, где именно ей приходится задерживать локоть, я отметила на бумаге. Уже через несколько минут стыд стал занимать меньше места: на его месте появлялись конкретные сантиметры, вес ткани, точка, в которой её следовало отпустить. Сандро посмотрел, как я держу распарыватель, и предложил хотя бы сегодня не портить рабочий стол.

— Вы всё время так разговариваете с людьми? — спросила я.

— Только если они собираются здесь остаться.

Я не сразу поняла, что это почти доброе замечание.

* * *

Андреа появился в дверях мастерской с листом картона, большим, чем сам проход. Несколько секунд он сражался с рамой, потом увидел меня и застыл.

— Ты тоже здесь?

— Нет. Это реклама моей профессии. Настоящая я работает гораздо лучше.

Он рассмеялся, наконец повернул лист боком и прошёл. Мы обнялись коротко. От него пахло деревом, сухим клеем и уличной жарой. Во Флоренции я ещё не знала его. В Венеции он был человеком, рядом с которым иногда оказывалось легче, чем с Лукой, и я слишком хорошо помнила, как важно было не воспользоваться этим удобством вместо честного ответа.

Сейчас Андреа выглядел довольным и усталым. Рассказал, что приехал на отдельную работу, недалеко отсюда, и будет иногда пользоваться мастерской по согласованию. Его задача не имела ничего общего с моими эскизами. Мы стояли у стола и сравнивали условия аренды, как люди, которым красивый город не отменил необходимости знать, где сушить полотенца.

— У меня окно в стену, — сообщил он.

— У меня окно в простыню.

— Тебе ещё повезло. Она хотя бы меняется.

Я показала серебряную ткань. Он покрутил её край, проверяя, как она падает.

— Слишком торжественная для того, что ты рисуешь.

— Я сегодня уже получила этот ответ в нескольких формах.

— Тогда не буду добавлять новую. Пойдём за скотчем? Я не могу найти магазин, который ещё не закрылся.

Мы вышли вместе. Андреа рассказывал о своём проекте: неудобный склад, человек, который хотел одновременно лёгкую и несокрушимую конструкцию, договорённость, которую пришлось уточнять три раза. Я слушала с удовольствием. Его жизнь не стояла в паузе, ожидая моего решения. От этого рядом с ним стало легче ещё и по другой причине.

У магазина он спросил о Луке.

— Он в Риме, — сказала я.

— Вы виделись?

— Да. По бабушкиному вечеру.

Андреа кивнул, не потребовав закончить предложение за меня. Продавец вынес ему не тот скотч, он объяснил разницу, и разговор сам собой вернулся к работе. Я была благодарна за то, что нас не назначили тремя людьми в одной любовной задаче просто потому, что у каждого была память.

На обратном пути мы договорились пообедать как-нибудь с остальными из лаборатории. Без обещания постоянной компании, без отдельной проверки, не будет ли кто-нибудь ревновать. Перед мастерской он забрал пакет из моих рук, потому что я держала ещё и рулон, и сказал, что рад меня видеть.

— Я тоже, — ответила я.

Это было правдой. Она не требовала никакого тайного продолжения.

* * *

Вечером я осталась дольше других. Передо мной лежали три варианта костюма для «Перехода». В первом блестящая кокетка поднималась вместе с руками. Во втором серебро дробилось на отдельные полосы. Третий я нарисовала, уже злясь на собственную покорность: почти убрала всё красивое, будто наказание материалу поможет доказать серьёзность автора.

Сандро проходил мимо, остановился возле стола.

— Вот этот зачем?

Я посмотрела на третий лист.

— Пока не знаю.

— Когда узнаете, покажите.

Он ушёл, не выбрав за меня правильное. Мне пришлось сидеть дальше. Я разложила ткань на плечиках, отошла, подняла, опустила. Попробовала сама пройти несколько шагов, послушать, как материал шуршит у шеи. Серебро всё время требовало, чтобы на него смотрели. Человек за ним становился поводом.

Я сняла его и достала чернильно-синюю основу. Рядом лежала мягкая жемчужная ткань, совсем не блестящая, с чуть неровной поверхностью. Вдруг захотелось не прятать её внутри, а собрать свободными складками от плеча к боку. Я уже делала во Флоренции цвет, открывающийся в движении. Здесь нужен был другой ответ: не мгновение неожиданности, а меняющийся объём.

Я наметала широкую складку, надела пробу и скрестила руки. Светлая ткань собралась сбоку, сделав силуэт тесным. Когда я развела локти, складка расправилась, но не потянула за собой горловину. Выглядело это пока как очень дорогой мешок, переживающий сложные чувства.

Я посмотрела на себя в окно и сделала ещё один вдох. Не театральный, обычный. Ткань чуть шевельнулась у рёбер.

Раньше я бы побежала искать более заметное движение. Сейчас подождала. Перенесла крепление на сантиметр ниже, убрала булавку с плеча, попробовала дотянуться до высокой полки. Под рукой возник мягкий объём, которого не было, пока я сидела. Я могла закрыться в этом костюме, но могла и вытянуться всем телом, не ломая его линии и не выворачивая собственную шею.

На соседнем столе лежал лист с фотографиями Ренаты в начале упражнения. Я снова посмотрела на её локти, прижатые к телу. Нам было нужно пройти от этой позы к открытым рукам. Не превратить её в другую женщину одним ловким поворотом. Позволить зрителю увидеть, сколько места она постепенно занимает.

Я нарисовала четвёртый вариант. Потом рядом — положение сбоку. Жемчужная ткань всё время оставалась видна, никто не должен был удивляться её существованию. Менялся человек внутри чернильного силуэта. Я проверила нижний край, села на стул, поднялась, снова потянулась. В стекле отражалась женщина с усталым лицом и совершенно несогласованными рукавами, но ей больше не приходилось помогать костюму ценой собственного движения.

Я смотрела на себя и впервые за весь день не сочиняла объяснение.

Телефон лежал на столе. Хотелось сфотографировать работу и отправить Луке. Вчера его смешные перчатки помогли мне уснуть с улыбкой. Сегодня хотелось показать, что я не только умею шутить над провалом. Я взяла аппарат, открыла камеру, сделала кадр. Потом посмотрела на список контактов и отправила его Кьяре.

«Завтра попробуем свет на этом?»

Она ответила: «Да. Этот хотя бы не выглядит как угроза зрению».

Я засмеялась. Луке тоже можно было когда-нибудь показать костюм. Но первую проверку по работе стоило получить от человека, которому предстояло с ним работать.

Дома я наконец выложила чемодан. В шкафу поместилось меньше, чем обещали его размеры, часть вещей пришлось сложить под кровать. Я устроила ножницы на столе, повесила рюлетку на крючок и приготовила одежду на утро. Потом позвонила отцу.

Марко спросил, умеют ли в моей лаборатории кормить людей, и я поняла, что в семье существует единая система контроля благополучия. Рассказала про первый просмотр, не делая из него триумфа. Он слушал, иногда уточняя слова, которые не имели для него привычного смысла. В конце сказал:

— Значит, ты поняла, что не работает?

— Поняла.

— Уже полезный день.

Я посмотрела на фотографию нового варианта.

— Кажется, да.

После звонка вышла во двор вынести пустой пакет. Воздух стал прохладнее, у соседнего окна сушилось полотенце, снизу пахло чьим-то ужином. Я стояла в чужом доме и не чувствовала себя гостьей, которая должна оправдать своё место прежде, чем наступит утро.

Лука написал поздно: «Завтра буду рядом с лабораторией после встречи с организатором. У тебя есть полчаса пройтись?»

Я долго смотрела на сообщение. В нём не было ни файлов, ни списка Розы, ни случайно найденного предлога. Только предложение и возможность ответить.

«После шести. И я хочу мороженое», — написала я.

Он ответил: «Наконец понятная рабочая задача».

Я убрала телефон, прислонилась к стене и позволила себе подумать о том, что надену завтра, без ссылки на погоду.

Глава 6. Полчаса на мороженое

Лука

На встрече с организатором выяснилось, что «пять минут обсудить» могут занимать сорок и всё равно не приближать человека к выходу. Я уже дважды переложил сумку с колен на пол. На столе лежала программа, в которой всем нравилась каждая строка, если не считать общего времени.

— Можем продолжить завтра, — сказал я, посмотрев на часы.

Организатор поднял глаза.

— Ты спешишь на репетицию?

— У меня встреча.

Он кивнул, но продолжил говорить. Я почувствовал привычное желание остаться: ещё немного, до удобной паузы, до момента, когда никто не решит, будто я недостаточно заинтересован в собственной работе. Договорённость с Элизой пока существовала только в двух коротких сообщениях. Такую легко передвинуть, особенно если назвать причиной что-нибудь серьёзное.

Я закрыл блокнот.

— Извините, мне действительно нужно идти. Свои ответы по оставшемуся пришлю утром.

Пауза оказалась не такой страшной, как я её представлял. Организатор назвал время завтрашнего звонка, мы сверили два пункта и попрощались. Мне не пришлось ни хлопать дверью, ни объяснять, кто ждёт меня на улице. Я всё равно спускался по лестнице с таким сердцебиением, будто только что нарушил закон.

Возле лаборатории было шумно. Люди выходили, неся рулоны, коробки и ту особенную усталость, в которой работа ещё продолжается в руках. Я стоял у стены, стараясь не выглядеть человеком, который пришёл проверять чужое расписание. Элиза появилась среди двух коллег, на ходу объясняя что-то о ткани. Увидела меня, чуть замедлилась. Я поднял руку.

На ней были тёмные брюки, простая светлая майка и раскрытая рубашка. У плеча зацепилась жемчужная нитка. Мне захотелось снять её, как снимал бы ещё в июне, не думая. Я убрал руку в карман.

Элиза попрощалась с коллегами, подошла.

— Ты успел.

— Обещал же.

Фраза прозвучала неудачно. Она не ответила, только посмотрела чуть внимательнее, и я мысленно выругался. Одно обычное вовремя ещё не заслуживало интонации человека, который предъявляет доказательства.

— Я тоже не закончила всё, — сказала она. — Но мороженое, вероятно, не станет ждать, пока я разберусь с последним швом.

Я улыбнулся, и мы пошли.

* * *

Она выбрала два вкуса и сразу пожалела, что не взяла третий. Я предложил попробовать свой. Элиза взглянула на стаканчик, потом на меня.

— Ты заранее это придумал?

— Купить мороженое?

— Выбрать то, чего нет у меня.

— К сожалению, я ещё не так хорошо планирую жизнь.

Она рассмеялась. Мы поменялись стаканчиками на несколько секунд, потом выяснилось, что ей мой вкус нравится больше. Я отдал его без торга, но попросил признать, что впервые за день принял удачное художественное решение.

— Среднее, — сказала она. — Удачным оно стало в моих руках.

Я смотрел, как она ест, и слишком хорошо помнил, что значили эти губы в другом городе, в другой степени близости. В голове сразу появилось несколько совершенно неуместных продолжений. Пришлось перевести взгляд на витрину, где стояли нелепо маленькие кофеварки. Элиза заметила.

— Хочешь купить себе ещё один инструмент?

— Думаю, на нём сложнее выступать.

— Зато проще объяснить публике результат.

Мы вышли к реке. Мост был полон людей, но ближе к краю можно было идти медленнее, не мешая потоку. Я не рассказывал ей, куда именно ведёт каждая улица: знал пока недостаточно, чтобы не оказаться вторым уверенным человеком, отправившим её утром не в ту сторону. Элиза сама посмотрела на воду и сказала, что после Венеции любая река кажется ей слишком готовой оставаться на месте.

— Она просто не рассказывает нам планы, — ответил я.

— Уважительная скрытность.

Она держала сумку так, что ремень давил на плечо. Я спросил, не тяжело ли. Элиза покачала головой, потом перевесила её на другую сторону.

— Тяжело, — поправилась она. — Но там ножницы, и я не готова доверить их музыканту.

— Обоснованно.

Я не настаивал. Через несколько шагов она сама протянула сумку на минуту, пока завязывала шнурок. Я взял. Когда выпрямилась, забрала обратно, и мы продолжили идти, не превращая передачу имущества в событие.

Мимо протиснулся велосипедист. Элиза отступила ближе ко мне, её локоть коснулся моего. Обычное случайное касание, от которого всё внутри оказалось совсем не случайным. Я посмотрел на неё. Она не отодвинулась сразу. До конца моста мы шли, почти соприкасаясь руками, и оба с чрезвычайным вниманием обсуждали погоду.

На противоположной стороне она остановилась у каменного парапета. Я встал рядом. Вода была тёмной от тени, в ней отражались куски неба. Элиза поставила пустой стаканчик на край, собираясь убрать салфетку в сумку. Он накренился. Я подхватил, она тоже, наши пальцы встретились.

Взгляд поднялся сам. У неё на виске прилипла тонкая прядь. Было слышно, как кто-то смеётся за спиной, как тормозит автобус, как стучит по камню чей-то чемодан. Всё это существовало отдельно от расстояния, в котором я мог бы наклониться и поцеловать её.

Я не наклонился.

Элиза забрала стаканчик, смяла его одной рукой и опустила глаза. Я почувствовал облегчение и разочарование одновременно, не сумел выбрать правильное и оставил оба.

— Я иногда забываю, — сказала она тихо.

— Я тоже.

Она кивнула, всё ещё глядя на руки. Потом вдруг спросила:

— Ты всё ещё носишь в сумке этот ужасный леденец, который Нико дал тебе после концерта?

Я посмотрел на неё с удивлением.

— Возможно.

- Он лежит там уже слишком долго.
- Я не собираюсь его есть. Это талисман.
- Очень липкая форма веры.

Я засмеялся. Она тоже. Напряжение не исчезло, но в нём снова стало можно стоять и разговаривать.

* * *

Мы прошли ещё немного. Элиза рассказывала про новый материал: чернильная основа, жемчужные складки от плеча к боку, меняющие объём, когда Рената разводит руки. Я слушал и задавал вопросы, в которых не было попытки объяснить ей её профессию. Хотелось увидеть, как она показывает идею руками. Она всегда начинала с пальцев, будто рисунка недостаточно.

- Ты сейчас всё изображаешь, — сказал я.
- Конечно. Иначе люди начинают верить словам, а это опасно.

Она поймала мой взгляд и смутилась. Я тоже услышал, как близко фраза прошла к нашему июлю, но не стал притворяться, будто нам следует немедленно остановиться и обсудить каждое случайное совпадение. Мы ещё поговорим. Сегодня я позвал её на полчаса, а не на бесконечное разбирательство.

На маленькой площади оказалась свободная скамейка. Мы сели. Элиза вытянула ноги, положила сумку рядом, проверила телефон и снова убрала. Я тоже не доставал свой. Некоторое время мы молчали, наблюдая, как мужчина пытается уговорить собаку не есть чужую булку.

- Роза сегодня прислала мне фотографию манекена, — сказал я.
- Элиза повернулась.
- Она серьёзно?
- С подписью: «Вот такой меня не обидит».

Я показал снимок: обычная безголовая форма, на которую бабушка натянула яркий шарф. Элиза рассмеялась, потом долго рассматривала шарф.

- Это её любимый. Мне не дала взять. Сказала, что я неправильно его завязываю.
- Как можно неправильно завязать шарф?
- Ты очень мало знаешь о моей семье.

Мы посмотрели друг на друга. В её лице на секунду возникло то прежнее открытое удовольствие от будущего, когда человеку кажется, что ещё можно показать другому весь свой мир. Потом она отвела глаза. Я позволил ей эту паузу и не заполнил обещанием всё узнать.

Время кончилось незаметно. Элиза взглянула на часы и поднялась.

- Мне пора. Если не доеду до магазина, буду ужинать тем, что в комнате. Там пока только нитки.
- Не лучший выбор.
- Зато много цветов.

Я проводил её до остановки. Автобус подошёл почти сразу, и нам не хватило времени придумать красивое прощание. Она шагнула ко мне, обняла коротко. Я почувствовал её щеку у своей, жемчужную нитку на рубашке возле лица и знакомый запах кожи. Прижал её ладонь к спине ровно на ту секунду, которую она осталась.

- Спасибо за мороженое, — сказала она.
- Спасибо, что забрала лучшее.
- Я вообще полезный человек.

Двери закрылись. Элиза стояла у окна, держалась за поручень. Увидела меня, сделала маленькое сердитое лицо, как будто я всё ещё был должен признать её правоту в споре о вкусе. Я улыбнулся. Автобус поехал, и мне пришлось остаться на остановке с пустыми руками.

Дома я обнаружил тот самый леденец в кармане сумки. Обёртка уже начала прилипать к бумаге. Я выбросил его, протёр карман и отправил Элизе фотографию пустого места.

«Талисман ушёл на пенсию».

Она ответила: «Горжусь твоим трудным решением».

Я засмеялся и поставил воду для ужина. Сегодня у нас получилось полчаса. Я не стал портить их требованием немедленно получить следующий вечер.

Глава 7. Не к празднику

Элиза

Мама позвонила в тот момент, когда я сидела на полу и доказывала бумажному плечу, что оно существует.

Плечо не соглашалось. На человеке нужная линия получалась сама собой; на выкройке между проймой и горловиной вырастал крошечный уродливый зуб, которого не было ни в одном приличном учебнике. Я уже успела дважды стереть его и один раз предложить ему отдельную карьеру.

— Ты занята? — спросила мама.

— Разговариваю с бумагой.

— Значит, можно. С живыми людьми ты обычно разговариваешь громче.

Она стояла на кухне в Болонье. За её плечом отец пытался достать из шкафа большую миску, не убрав сначала три маленькие. Было приятно видеть чужую проблему с очевидным решением.

— Поставь телефон, — попросила я. — У меня руки в графите.

— А у меня в фарше. Удивительно, сколько женщин в нашей семье работают руками, пока твой отец объясняет, что миски застряли сами.

Из глубины кухни раздалось возмущённое:

— Я ничего не объяснял!

Мама поставила телефон к банке с деревянными ложками. Теперь я видела её подбородок и половину лампы. Она спросила про лабораторию, я рассказала про жёсткую серебряную кокетку, которая мешала актрисе поднимать руки. Мама засмеялась, а потом совершенно серьёзно поинтересовалась, не порвалась ли ткань. Ей всегда легче было представить расход материала, чем художественный кризис.

— Нет. Я её убрала сама.

— Тогда не зря приехала.

— Потому что умею распарывать?

— Потому что распарывать собственное обычно труднее чужого.

Я перестала тереть злосчастное плечо. От мамы редко можно было услышать фразу, подходящую для записи на красивой карточке; она непременно добавила бы к ней совет не резать по косой без необходимости. Но сейчас карточка получилась.

Потом она спросила, есть ли у меня хорошие новости помимо ткани. Я рассказала о комнате, о Кьяре, которая могла отличить два почти одинаковых оттенка белого света и не умела отличить свой контейнер с обедом от чужого. О Сандро, который называл все мои сложные идеи «это сооружение». О прогулке с Лукой я сказала последней, будто это была ещё одна подробность погоды.

Мама не подняла брови. Для этого ей пришлось бы переставить телефон.

— Хорошо погуляли?

— Да.

— Ты звучишь так, будто сейчас попросишь меня принять экзамен.

— Я ничего не прошу.

— Я тоже.

Отец наконец освободил миску. Она громко стукнулась о стол, и мама поморщилась. Наша взрослая важная беседа прервалась спором о том, была ли миска мокрой до того, как он

поставил её на свежую газету. Я воспользовалась этой паузой, чтобы убрать со щеки волосы. Там осталась чёрная полоса.

— Если вы с бабушкой приедете на вечер, — сказала я, когда они закончили, — я найду вам место без трёх лестниц. Мне здесь только на второй день объяснили, что «уютный верхний этаж» означает тренировочную базу.

— Мы пока смотрим даты. Мама хочет приехать, если будет достаточно сил. И увидеть тебя она хочет отдельно от этого вечера.

Я кивнула. В последнее время мне приходилось всё чаще напоминать себе, что бабушка могла приехать просто ко мне. Не к собственной восстановленной биографии, не к работе с выверенной подписью, не к нашему большому правильному событию.

Когда мама отключилась, на полу стало тихо. Я попыталась продолжить выкройку и обнаружила, что держу резинку так сильно, что та согнулась пополам. Тогда я сфотографировала уродливый зуб и отправила бабушке.

«Это новая тенденция. Назовём твоим именем?»

Ответ пришёл голосовым сообщением. На заднем плане что-то бубнил телевизор.

— Только если его можно отрезать. Я не хочу прославиться плечом, которое никому не подходит.

Через минуту она позвонила сама. В отличие от мамы, Роза умела ставить телефон так, чтобы в кадр попадала она целиком, чашка и именно та часть комнаты, которую считала подходящей для чужих глаз. Сегодня за ней висел шарф: тот самый, которым она украсила безголовый манекен на присланной вчера фотографии.

— У тебя лицо разбойника, — сказала она.

Я показала ей щёку.

— Это знак принадлежности к мастерской.

— В наше время умывались.

— В ваше время ещё не было фронтальной камеры, и никто не мог доказать обратное.

Она рассмеялась. Мне нравился этот звук: короткий, неожиданно молодой в середине, будто бабушка на секунду подслушивала собственную прежнюю шутку.

Я рассказала ей про светлые мягкие складки на чернильной основе. Она попросила показать рисунок, велела повернуть его к свету, потом спросила, как я собираюсь обрабатывать край. Ни одного слова про символы. Я успела объяснить три варианта, прежде чем она мягко вернула меня к тому, который я сама считала лучшим.

— Вот этот. Почему ты его прячешь?

— Он менее эффектный.

— Сначала шей. Эффектный край, который режет под коленом, никому не нужен.

Я сняла лист с колена. Самый спокойный вариант действительно был самым точным. Я держала его внизу стопки, как ответ, слишком простой, чтобы мне за него заплатили.

— Ты сегодня виделась с Лукой? — спросила бабушка.

Я посмотрела в камеру.

— Вчера. Мороженое. Прогулка.

— Какое мороженое?

— Фисташковое. И ещё мы спорили из-за лимонного.

— Лимонное обычно принадлежит тому, кто его доедает.

— Я тоже так считаю.

Она пододвинула чашку. Мне очень хотелось спросить, что она на самом деле думает. Не о мороженом. О том, не кажется ли ей странным, что мы снова ходим рядом после всего, что сделали каждый по-своему. Я знала, что не обязана сдавать ей отчёт о своей личной жизни. Но знание плохо помогало, когда я вспоминала её лицо тем вечером, когда она попросила убрать опубликованную страницу.

— Бабушка, — сказала я, — если мы с ним...

Она подождала. Не пришла на помощь удобным окончанием.

— Я не хочу, чтобы ты подумала, будто для меня всё решилось, потому что он исправляет подписи.

— А для тебя всё решилось?

— Нет.

— Тогда о чём мне думать?

Я уткнулась носом в собственное колено и выдохнула.

— Не знаю. Иногда мне кажется, что радоваться сейчас как-то невежливо.

— Ко мне?

— Может быть.

Она сняла очки и положила их на стол. Без них взгляд у неё становился чуть рассеянное, но никак не мягче.

— Элиза, я не выдавала тебе купон на счастье с условием сначала закончить мою историю. И когда я сержусь на тебя, это не означает, что ты должна сидеть в своей комнате и плохо есть, пока я не подпишу разрешение.

— Я нормально ем.

— Вот эту часть я проверю у Лауры.

Я засмеялась, хотя глаза неожиданно зашипало.

— Ты всё ещё сердишься?

Бабушка посмотрела на меня внимательно.

— Иногда я вспоминаю и сержусь. Иногда вспоминаю, как ты приехала ко мне с этими ужасными персиками, и радуюсь. Одно другому не мешает. Ты моя внучка, а не договор с единственным пунктом.

Потом она сама переменяла тему. Спросила, не слишком ли жарко в моей комнате и есть ли там хороший стул. Я показала стул. Она одобрила спинку, осудила сиденье и велела найти подушку. В конце разговора выяснилось, что ей нужно успеть в магазин до вечернего наплыва людей. Жизнь Розы продолжалась и за пределами наших разговоров о прошлом; мне было полезно видеть, как она выбирает между мной и свежим хлебом, не испытывая никакой вины.

После звонка я умылась, испортив серым пятном маленькое полотенце, и вернулась к выкройке. Зуб исчез, когда я перестала пытаться сохранить лишние полтора сантиметра объёма. Иногда правильное решение выглядело обидно скромно.

В лабораторию я пришла к вечеру: на сегодня у нашей группы была назначена встреча с ребятами из соседнего проекта. Я ожидала новых разговоров, в которых все быстро называют театр, режиссёра и чью-то фамилию, а я улыбаюсь, пытаюсь вспомнить хотя бы одно из трёх. Вместо этого нас встретил мужчина с двумя пакетами апельсинов.

— Это не угощение, — предупредил он. — Это реквизит. Не ешьте без спроса.

— Он всегда так знакомится, — сказала Кьяра. — Если тебе когда-нибудь понадобится понять его настроение, посмотри на фрукты.

Мужчину звали Маттео. Он работал со звуком и сегодня пытался получить глухой удар, похожий на падение тяжёлого предмета в мягкую землю. Апельсины не оправдывали ожиданий. Один из них уже был обернут полотенцем и выглядел так, словно ему оказали неудачную первую помощь.

За полчаса я познакомилась с танцовщицей Ливией, у которой в сумке лежало шесть одинаковых чёрных резинок и ни одна не годилась ей сегодня, и с помощницей режиссёра Адой: она записывала время каждого опыта и в отличие от остальных помнила, зачем мы собрались. Нам нужно было проверить, как костюм и звук отмечают переход от одного состояния к другому, не пересказывая зрителю то, что он уже видит.

Маттео предложил ударить апельсином по моей ткани.

— Сначала подпиши, что это твоё художественное решение, — сказала я.

Рената, присоединившаяся к нам прямо с движения, взяла у него несчастный плод и положила на пол. Потом медленно обошла вокруг. Без шутки, почти сердито. На середине круга серебристая проба на её руке поймала свет и сделала всё происходящее похожим на ритуал неведомого цитрусового культа.

Мы засмеялись. Рената остановилась.

— Вот. Теперь скажите, почему это смешно.

Никто сразу не нашёл ответа. Через минуту мы уже спорили, кто первым дал понять зрителю, что предмет важен: она, свет или наше ожидание. Я забывала следить за тем, какое впечатление произвожу. Было слишком интересно попробовать ещё раз.

Когда дошла очередь до моего материала, я принесла жемчужную пробу с обработанным краем и попросила Ренату сесть, встать и развести руки. Светлые складки расправились вдоль её боков, и тёмный силуэт стал шире, свободнее. Кьяра тут же изменила угол света.

— Ещё, — сказала Ада.

На второй попытке складки слились с рукавом. На третьей резкая тень сделала их похожими на картон. Я присела у Ренаты, заколола край и почувствовала знакомое спокойствие, которое всегда приходит, когда вместо общего «не получается» остаётся конкретное «нужно убрать здесь».

Мы закончили поздно. В пакете у Маттео осталось пять целых апельсинов; по его словам, теперь их можно было съесть, потому что звук он всё равно нашёл в старой кожаной сумке Сандро. Ливия разделила один плод руками и протянула мне половину. Мы стояли у открытой двери мастерской, жевали и планировали завтра принести нормальную еду. Никаких торжественных обещаний дружбы. Мне просто хотелось прийти и снова услышать, как эти люди спорят.

На улице телефон дрогнул. Лука прислал фотографию двух чашек на пюпитре и подпись: «Нико утверждает, что это временная установка. Я считаю, что у нас уже дуэт для фортепиано и кофе».

Я отправила ему снимок оранжевой кожуры на ладони.

«У нас сегодня был экспериментальный театр. Апельсин не выжил».

Он ответил почти сразу: «Очень жаль. В каком месте можно выразить соболезнования?»

Я улыбнулась, убрала телефон и догнала Кьяру. Она звала меня посмотреть на маленький магазин, где якобы продавались приличные лампочки и ужасные серьги. Я хотела увидеть и то и другое. Лука никуда не исчезал оттого, что этот вечер принадлежал ещё кому-то. И мне не требовалось заслуживать право на такую простую, наглую радость.

Глава 8. Место в зале

Лука

В четверг утром выяснилось, что рояль не нравится всем поровну.

Нико считал его слишком громким, настройщик — слишком долго стоявшим у стены, а я пытался не принимать близко к сердцу тот факт, что верхняя октава звучит бодрее, чем я себя чувствую. В небольшом зале некуда было спрятать недостатки. Здесь зритель мог рассмотреть, как я переставляю ногу на педали, и, вероятно, прочитает самую грубую мысль, если она появится у меня на лице.

— Не делай ему такое выражение, — сказал Нико. — Инструмент не виноват, что ты опять переписал начало.

— Я убрал четыре такта.

— Да. Теперь ты можешь раньше начать мучиться.

Он проверил строй виолончели. Я смотрел на карандашные следы в нотах и пытался понять, в каком месте музыка перестала быть вещью, которую можно доделывать, и стала вещью, которую надо наконец сыграть другим людям. Граница оказалась неприятно практической: на следующий вечер у нас стоял концерт, в программе уже напечатали название.

«Открытый воздух».

Мне нравилось, что оно ничего не обещало о моей личной жизни. Здесь не было ни женщины, которую публика должна угадать, ни обязательного возвращения домой. Я писал эту вещь кусками всё лето: сначала короткий проход в правой руке, потом голос виолончели, который не отвечал немедленно, потом несколько тактов, в которых оба инструмента наконец могли не спорить. Название появилось позже, когда я понял, что всё время слишком плотно закрываю звук.

Дарио прочёл его, помолчал и спросил, не может ли воздух быть вечерним. Я отказался. Он вздохнул так, будто я лишил его единственного способа продать билет.

Теперь я подозревал, что защищать два слова было легче, чем защитить семь минут музыки.

— С третьей строки? — предложил Нико.

— С самого начала.

Он ничего не сказал. В этом заключалось одно из его лучших качеств: он мог выбрать момент, когда перестать шутить.

Мы начали. Через сорок секунд мне захотелось остановиться и исправить то место, где я чуть придавил мелодию. Я не остановился. Через минуту вступил Нико, и невыносимо очевидная ошибка оказалась просто местом, которое прошло. Музыка потекла дальше, не испрашивая моего разрешения сохранить идеальное прошлое.

На третьем проигрывании в зал пришла администратор с коробкой программ. Она поставила её на первый ряд и замерла у двери. До конца оставалось полторы минуты. Я немедленно стал играть хуже.

— Спасибо, — сказала она, когда мы закончили. — Очень красиво. Вам воду на сцену в бутылках или в стаканах?

Я посмотрел на Нико. Он смотрел в ноты с чрезмерно невинным лицом.

— В бутылках, — ответил я.

— Слышал? — прошептал он, когда дверь закрылась. — Самое спорное место она пережила. А вот стаканы остаются под вопросом.

Я засмеялся и почувствовал, как отпускает плечи. Потом попросил его всё-таки проверить переход. Он сразу согласился: то, что я паниковал, не делало все мои замечания бессмысленными.

После репетиции Дарио перехватил меня в коридоре. На стене висела афиша с моим лицом, и я на секунду задержался напротив неё. Фотограф сумел придать мне вид человека, который всегда знает, где находится его паспорт и следующая нота.

— Почти всё продано, — сказал Дарио. — Не аншлаг, но близко. У меня осталось несколько приглашений. Кому отправить?

Я назвал двух коллег. Потом добавил:

— Одно пока оставь на моё имя. Я сегодня скажу.

Дарио посмотрел на меня. Во взгляде мелькнула догадка, с которой он благоразумно ничего не сделал.

— До завтра до полудня.

— Хорошо.

На улице я достал телефон и вдруг понял, что не умею составить короткое сообщение. «Если хочешь» звучало так, будто я заранее отвожу глаза. «Мне важно» превращало концерт в проверку. «У меня тут небольшое выступление» было неправдой: небольшим был зал, а не то, сколько сил я потратил на программу.

Я остановился посреди тротуара, получил локтем от человека с пакетом и убрался к стене. Потом написал как мог.

«Завтра играем с Нико. Начало в восемь. Я хотел бы тебя пригласить. Будет и моя новая вещь — после перерыва. Если у тебя работа, я пойму. Скажи, пожалуйста, оставить ли билет».

Я прочитал один раз и отправил, прежде чем нашёл способ сделать из приглашения юридически безупречный документ.

Ответ пришёл минут через двадцать, когда я покупал хлеб.

«У нас вечером прогон, пока не знаю, во сколько отпустят. Можно скажу завтра утром?»

«Да».

Я собирался добавить, что она может прийти позже. Потом решил, что это нормальная полезная информация, и всё-таки добавил: «После первой части можно зайти в перерыве. Напишу администратору. Не надо бежать через город».

Она прислала сердитого нарисованного человечка с ножницами и подпись: «Если меня не выпустят, пришлю вместо себя это».

Я улыбнулся продавщице, которая протягивала мне сдачу. Она решила, что улыбка предназначалась ей, и улыбнулась в ответ. В Риме у меня пока слишком часто случались маленькие общественные недоразумения такого рода.

Днём я пытался работать дома. Не играл: в комнате не было инструмента, а у соседей сверху уже имелся ребёнок с пластмассовым барабаном, и добавлять конкуренцию я считал жестоким. Я сидел за столом, сверял партии и слушал запись утренней репетиции в наушниках.

Удивительно, сколько шума издаёт человек, уверенный, что просто переворачивает страницу. На записи я слышал собственное дыхание, шаги настройщика за дверью и одно совершенно лишнее сопение перед сложным местом. Само сложное место звучало лучше, чем я помнил.

Я записал замечания, отправил Нико уточнение по темпу и закрыл файл. Через минуту открыл снова. Проверил ту же строку.

Телефон зазвонил. Дарио хотел согласовать пару фраз для объявления со сцены. Обычно я соглашался сразу: он говорил хорошо, коротко и гораздо убедительнее меня объяснял, почему людям стоит досидеть до конца. На этот раз я попросил прислать текст.

— Лука, это не интервью. Четыре предложения.

— Значит, быстро прочту.

Он прислал. В третьем предложении стояло: «Личная история возвращает музыканта к самому себе».

Я позвонил ему обратно.

— Убери третье.

— Там нет никаких имён.

— Я знаю. Убери.

— Людям нужна точка входа. Они не обязаны разбираться в твоей форме.

— Напиши, что это новая пьеса для фортепиано и виолончели. Что мы впервые играем её здесь. Можно ничего не объяснять сверх этого.

Он помолчал.

— Твоя музыка от этого не станет менее личной.

— Да. Но мы хотя бы дадим людям самим её услышать.

Дарио тяжело выдохнул в трубку. Я ждал привычной фразы о том, что с каждым месяцем работать со мной всё интереснее и всё неудобнее. Вместо этого он сказал:

— Ладно. Тогда говори сам. Я не хочу читать сухую справку, изображая, что это моя лучшая работа.

— Хорошо.

Согласие вышло слишком быстрым. Я представил себя перед микрофоном и немедленно пожалел, что не предложил компромисс. Но текст уже был у меня, а четыре предложения я всё-таки должен был выдержать.

Вечером я поужинал с Нико. Он резал помидор тупым ножом, обнаруженным на кухне его съёмной квартиры, и каждый ломтик был похож на результат маленькой аварии.

— Ты можешь взять мой, — сказал я.

— Это принцип.

— Против помидора?

— Против квартиры, где всё необходимое есть, но ничего не работает.

Я рассказал ему про объявление. Он спросил, собираюсь ли я репетировать его перед зеркалом. Я сказал, что собираюсь съесть ещё хлеба, и он одобрил выбор.

Потом Нико начал рассказывать про собственную предстоящую работу: партитуру, которую ему прислали поздно, новый состав, человека, который требовал от виолончели невозможного и называл это свободой. Я слушал и понемногу возвращался в мир, где не все проблемы были созданы моим концертом. Мы спорили о том, сколько свободы может поместиться в такте, пока помидор окончательно не превратился в салат.

Перед уходом Нико заметил:

— Ты весь вечер не проверял телефон.

Я тут же потянулся к карману.

Он рассмеялся.

— Прости. Не удержался.

В пятницу Элиза написала в половине десятого: «Приду ко второй части. Пожалуйста, оставь билет. Если я буду в графите, это не татуировка».

Я поставил чашку так резко, что кофе выплеснулся на блюдце. Написал администратору её имя, уточнил вход в перерыве и только потом ответил ей: «Оставил. Очень рад. Графит принимается».

Это было всё. Никакого решения о нас в её сообщении не содержалось. Она придёт послушать музыку. Я всё равно перечитал эти три слова дважды.

Последние часы перед концертом распались на мелочи. Манжета цеплялась за пуговицу. Вода оказалась тёплой. У Нико пропал карандаш; после недолгого расследования он обнаружился у меня за ухом, что делало моё участие в поисках довольно сомнительным. Дарио заглянул в артистическую и сообщил, что я буду говорить после перерыва. Я сказал, что помню.

— Хорошо. И, Лука...

Я поднял голову.

— Играй нормально. Остальное потом.

Я кивнул. Иногда он всё-таки знал, как сказать ровно столько, сколько нужно.

Из-за двери доносился гул зала. Люди устраивались в креслах, кашляли, складывали куртки, замечали знакомых. Они принесли с собой свой день. Кто-то устал, кто-то торопился с ужина, кто-то, возможно, купил билет потому, что рядом продавали хороший кофе. Мне не требовалось знать причины, чтобы выйти к ним.

Я поправил воротник. Нико поднял виолончель и вопросительно посмотрел на меня.

— Пойдём?

— Пойдём.

Пока мы шли по короткому проходу, я подумал, что Элиза сейчас ещё в мастерской. Может быть, стоит на коленях перед Ренатой. Может быть, спорит с Кьярой о том, какой свет делает жемчужные складки плоскими. Её день не обязан был остановиться, чтобы мой вечер получился.

В зале захлопали. Я поклонился, сел за рояль и положил руки на клавиши. Первое произведение было знакомо мне много лет. Это не означало, что его можно сыграть без внимания. Я набрал воздух — и впервые за весь день перестал ждать, когда откроется дверь.

Глава 9. После перерыва

Элиза

К половине восьмого у меня имелись две чистые руки, одно сомнительное плечо костюма и двадцать семь минут, чтобы перестать выглядеть человеком, живущим под раскройным столом.

— Если побежишь, всё равно опоздаешь, — сообщила Кьяра.

Она сидела на подоконнике и ела крекер так спокойно, будто всю вторую половину дня не объясняла нам с Ренатой, почему чернильно-синий рукав становится зелёным под одним из приборов.

— Спасибо. Очень поддерживает.

— Я имею в виду: он ещё играет первую часть. Ты обещала прийти после перерыва. Руки у тебя уже нормальные.

Я показала ей большой палец. В бороздке у ногтя осталась тёмная краска.

— Этот с тобой с понедельника. Можно считать членом коллектива.

Сандро, проходивший мимо с коробкой, велел не смывать растворителем то, что смывается терпением. От него эта рекомендация звучала как личное оскорбление всем быстрым решениям на свете.

Я проверила записку, оставленную на столе. Завтра нужно было перенести застёжку на два сантиметра и ещё раз посмотреть рукав в боковом свете. Сегодня эти два сантиметра ничего не решали. Всё, что требовало решения сейчас, мы уже проверили: Рената могла поднять руки, сесть и встать, не подхватывая ткань. Я сделала снимок, чтобы утром не начинать с недоверия к собственной памяти, и убрала ножницы.

В сумке лежало платье. Простое чёрное, не слишком новое, зато не требующее ни утюга, ни доказательств. Я переоделась в маленькой уборной, уронила серьгу в раковину и в течение десяти ужасных секунд представляла, как придётся разбирать сифон ради культурного вечера. Серьга зацепилась за решётку. Я достала её ногтем, вытерла и решила больше ничего не улучшать.

Кьяра посмотрела на меня у выхода.

— Хорошо.

— Что хорошо?

— Теперь видно, что ты идёшь на концерт, а не проверять вентиляцию.

Я показала ей язык и вышла.

В дороге я успела подумать, что стоило купить билет самой. Потом — что Лука предложил приглашение, потому что сам здесь играл, и никакого скрытого обязательства в кусочке бумаги не было. Потом — что я опять устраиваю бухгалтерию там, где люди просто ходят слушать друг друга.

У зала я оказалась как раз в перерыв. У входа стояли женщины с пластиковыми стаканчиками, мужчина спорил с кем-то по телефону о припаркованной машине. Изнутри тянуло прохладой и кофе. Администратор нашла моё имя, посмотрела на часы и сказала, что я успела прекрасно. Я чуть не обняла её за это простое суждение.

В билете было указано место у прохода. Я обнаружила его в шестом ряду и села, поджав сумку под ноги. Отсюда рояль выглядел большим и живым: чёрная поверхность ловила свет, одна из ножек отражалась в полу. Я видела, как настройщик в последний раз склонился над

клавиатурой. Он закрыл крышку и ушёл, оставив на сцене странную тишину — ту, в которой люди ещё разговаривают, но уже понижают голос.

Пожилая женщина слева спросила, свободно ли рядом. Я показала на номер её билета и помогла найти очки, зажатые у неё между программкой и платком.

— Я всегда беру их с собой и потом ищу, — сказала она. — Как будто им тоже хочется послушать отдельно.

Мы рассмеялись. Она спросила, слышала ли я раньше этих музыкантов. Я ответила, что да. Не стала уточнять, где, сколько раз и почему сейчас у меня так нелепо холодеют пальцы.

Лука вышел вместе с Нико. Чёрная рубашка сидела на нём привычно, но я сразу заметила, что он застегнул ворот на одну пуговицу выше, чем обычно. Мне захотелось поправить. Желание оказалось настолько знакомым, что я спрятала ладони между коленями.

Он увидел меня не сразу. Поклонился, положил ноты, что-то негромко сказал Нико. Тот улыбнулся. Потом Лука поднял голову в зал, и его взгляд остановился на мне.

Это длилось секунду. Он не стал улыбаться широко и показывать всем, где находится причина его хорошего настроения. Просто выдохнул чуть заметнее и кивнул. Я почувствовала, как собственные плечи опускаются.

Сначала он говорил. Несколько слов о новой пьесе, о том, что они с Нико впервые играют её здесь. Название — «Открытый воздух». Сухая правильная фраза застряла у него на середине; он посмотрел на микрофон с таким выражением, словно тот подвёл его на экзамене, и сказал:

— Я собирался объяснить ещё кое-что, но, кажется, лучше мы начнём.

В зале мягко засмеялись. Нико приложил смычок к струне. Лука сел.

Я не умела разбирать музыку так, как он. Не могла назвать, что происходит с темой и почему после одного аккорда всё пространство будто становится ниже. Я слышала, когда мне хочется дышать тише, а когда — поднять голову. В начале хотелось следить за каждой нотой. Они появлялись порознь, немного упрямо, и я всё время ждала, когда их соберут вместе.

Потом вступила виолончель. Нико не сгладил эту неровность. Он словно прошёл рядом и оставил для неё достаточно места. Мне вдруг стало ясно, сколько работы потребовалось Луке, чтобы не заполнить каждую паузу красивым ответом.

Я смотрела на его руки. На быстрый поворот головы к Нико, на движение запястья перед длинной фразой. Иногда, когда мы были рядом, я забывала, что он может делать такое. Превращать время в последовательность, которую хочется услышать до конца. В обычной жизни эти же пальцы теребили бумажные салфетки, роняли ключи, касались моего колена под столом. От последней мысли мне стало жарко, и я рассердилась на себя: я пришла слушать, а не вспоминать, как он...

Музыка изменилась, не дождавшись, пока я закончу внутреннее воспитательное собрание. Виолончель ушла вниз. У рояля остался короткий, почти смешной перебор, который мог превратиться в украшение, но не превратился. Я улыбнулась. Потом улыбка сама исчезла, потому что следующее место оказалось гораздо нежнее, чем я была готова услышать.

Я не пыталась решить, обо мне ли это. Мне слишком долго хотелось находить себя во всём, что делал Лука: в его выборе слова, в том, кому он звонил первым, в каждом уверенном и неуверенном решении. Сейчас пьеса была его работой. От этого она не становилась дальше. Наоборот: я видела его самого без обязанности узнать собственное отражение.

Когда они закончили, в зале осталась короткая пауза. Потом захлопала женщина рядом со мной, сразу очень энергично, и я присоединилась, радуясь возможности двигаться. Лука встал. На его лице было то осторожное изумление, которое у человека появляется, когда он вынес наружу нечто дорогое и обнаружил, что мир не разбил это немедленно.

Я хлопала, пока не заболели ладони.

После концерта люди не спешили расходиться. Кто-то подошёл к сцене; Лука разговаривал с женщиной в светлом пиджаке. Нико заметил меня, сделал вид, что хотел поклониться, но мешает виолончель, и я помахала ему программкой. Он показал на выход: увидимся там.

Я могла остаться у сцены. Могла подойти и занять место рядом с Лукой, как делала прежде, одновременно радуясь и проверяя, насколько естественно меня там принимают. Вместо этого вышла в фойе, купила воду и выпила половину бутылки одним глотком. Мне было хорошо. Я не обязана была немедленно превратить это в разговор.

Он нашёл меня через десять минут.

— Ты пришла, — сказал Лука.

— У тебя очень наблюдательная профессия.

— Некоторые вещи я всё-таки замечаю.

Он посмотрел на платье, и я поняла, что замечает. Под его взглядом чёрная ткань вдруг перестала казаться самым безопасным выбором из моей сумки.

— Спасибо, — сказал он.

— Мне очень понравилось.

— Что именно?

В голосе не было кокетства. Ему действительно хотелось знать. Я поискала слова.

— В начале я ждала, что вы сейчас всё сделаете плавным. А вы не сделали. И потом... Когда у тебя остаётся мало звука, мне хочется слушать сильнее. Я объясняю как идиот.

— Нет.

Он сказал это быстро и очень серьёзно. Потом улыбнулся.

— Именно в этом месте я сегодня утром чуть не всё переписал.

— Хорошо, что тебя кто-то остановил.

— Нико и отсутствие времени.

Нико подошёл с футляром через плечо и потребовал записать его соавтором отсутствия времени. Он спешил к знакомым, с которыми договорился встретиться после концерта, и от предложения поесть отказался так решительно, что я заподозрила еду получше нашей. На прощание он спросил, всё ли в порядке с апельсином. Я с подозрением посмотрела на Луку.

— Он сам спросил, как прошла твоя неделя, — оправдался тот.

— Надеюсь, вы почтили память.

— Минутой тишины не получилось, — сказал Нико. — Лука всё время играл.

Он ушёл, а мы остались у выхода вдвоём. У Луки за плечами был концерт. У меня — длинный рабочий день и зал, в котором я два часа сидела почти неподвижно. Наверное, следовало красиво предложить бокал вина. Вместо этого я сказала:

— Я сейчас съем декорацию, если не найдётся чего-нибудь ещё.

— Давай сохраним искусство.

Мы нашли место, где продавали пищу кусками. Лука хотел заплатить, я напредила, что билет достался бесплатно, и он без спора уступил мне ужин. Это обошлось гораздо дешевле, чем выглядело моё желание быть великодушной. Мы вышли с двумя бумажными свёртками и устроились за высоким столом снаружи.

Сыр тянулся за моим куском, как плохо закреплённая нить. Я оборвала его пальцами. Лука смотрел с откровенным удовольствием.

— Что?

— Ничего. Я просто рад, что ты не стала говорить, будто после восьми не ешь.

— После восьми я особенно убедительна.

Он засмеялся, снял пиджак и повесил на спинку высокого стула. На предплечье проступила складка от манжеты. Я постаралась смотреть ему в лицо. Это не помогало: лицо тоже нравилось мне до неприличия.

Мы говорили о концерте, о Ренате, о том, как Нико ухитрился забыть карандаш у Луки за ухом. Лука слушал мой рассказ про свет внимательнее, чем я ожидала, и спросил, можно ли когда-нибудь увидеть пробу. Я сказала, что сначала нужно спросить Валерию. Он кивнул, словно это был самый естественный ответ. Мне стало приятно раньше, чем я успела объяснить себе почему.

В какой-то момент он потянулся за салфеткой, а я — за бутылкой воды. Мы почти столкнулись лбами. Раньше я бы поцеловала его, просто чтобы не отступать зря. Теперь мы замерли слишком близко. Его взгляд опустился к моим губам.

Я не отодвинулась сразу. Снаружи кто-то провёз по плитке пустой ящик, грохот расколол эту секунду, и я наконец взяла воду.

— Мне завтра рано, — сказала я.

— Да. Конечно.

Он отступил не обиженно, но я услышала, как у него изменился голос. Мне захотелось сказать, что я тоже хочу. Что ранний подъём — правда, но не вся. И я сказала:

— Вечер хороший. Я не хочу его заканчивать потому, что плохой.

Лука посмотрел на меня.

— Я понял.

— Просто...

— Не нужно сейчас искать красивое объяснение.

Я кивнула. Он допил воду и поднял пиджак. Мы прошли до остановки, держась ближе, чем требовала ширина тротуара. На прощание он коснулся моей руки. Я сама переплела наши пальцы на несколько секунд, пока автобус ещё приближался.

Дома я положила программку на стол рядом с жемчужной пробой. Две сегодняшние работы — его и моя — оказались рядом без всякого торжественного замысла.

Я сняла платье, вымыла лицо и только потом заметила, что тёмный след под ногтем всё ещё со мной. С ним я была на концерте. С ним держала Луку за руку. Мир выдержал эту недоделанность гораздо спокойнее, чем я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.